

ПАФ

Айрапетова
Марина

Марина Сергеевна Айрапетова

Паф

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69786649

SelfPub; 2023

Аннотация

Что такое одиночество? Можно ли его ощущать, когда ты не один? В этой повести речь идет именно об одиночестве и о молчаливом союзе двух одиночеств.

Марина Айрапетова

Паф

Глава 1. Паф

Его звали Павел Фёдорович Паф. Был он средним по всем параметрам, то есть и рост, и внешность, и вес, и возраст были средними. И, как ни странно, так сохранялось уже очень продолжительное время. У него была женщина, вернее сказать, она была сама у себя. Она при знакомстве назвалась Лёсей. Так он ее и называл, лишних вопросов она не любила. Вернее всего сказать, что она была его соседкой по комнате. Почему ПаФ? Это имя ему дала Лёся, в одном имени были сразу все его инициалы. Лёся просто решила, что она будет звать его по фамилии, коротко и смешно. Но Павел Фёдорович сказал, что в таком имени зашифровано его полное имя, и шифр этот ещё и звучит как его фамилия. Он ещё добавил, что и писать это новое имя надо будет с «ф» заглавной. Всю эту длинную тираду Лёся прослушала молча, молча пожалала плечами, мол, как хочешь, и пошла в ванную. Но новоиспеченный ПаФ был удовлетворён своей аргументацией. С тех пор так и повелось. Оба решили, что это удобно.

ПаФ работал всегда на одном месте, хотя это место периодически перемещалось территориально, из рук одних хозяев к другим, меняя время от времени своё название. Долж-

ность его была мелкой и малозаметной, он был промежуточным редактором небольшого издательства. Почему промежуточным? Да потому, что он делал самую черновую редакцию, подготавливая материал для выпускающих. На работе он проводил время тихо и незаметно для окружающих, так как никаких особых привычек не имел. Он просто работал свою работу. Вечера он любил проводить дома. Как правило они проходили в одиночестве. Лёся работала в каком-то исследовательском институте в отделе внешних сношений. По вечерам Лёся часто забегала домой буквально на несколько минут, совала что-нибудь в рот, иногда хватая прямо из его тарелки, чмокала его в седеющую лысину, вытерев рот рукой. Потом быстро, разбрасывая вещи по комнате, переодевалась и, пробурчав что-то неопределенное, вылетала из квартиры. ПаФ относился к этому с пониманием. Видно, начатые днём на работе эти внешние сношения приходилось продолжать и по вечерам. Когда она возвращалась, он уже мирно спал, набираясь сил перед работой. Так проносились Лёсины дни, и медленно текли дни и ночи ПаФа.

Если бы ПаФа попросили бы рассказать про Лёсю, то он скорее всего не смог бы это сделать. Ему даже не удавалось восстановить ее в памяти, когда ее не было рядом. А когда она бывала рядом, то так бурно и широко занимала собой все пространство, что ему не удавалось охватить её взглядом, чтобы рассмотреть.

В тот день он, как всегда, пришёл в редакцию вовремя,

то есть раньше всех. День начался с мокрого снега и слякоти. ПаФ аккуратно разложил мокрый зонт и портфель, чтобы они скорее просохли. Переносную вешалку для верхней одежды передвинул ближе к слабо прогретой батарее. Педантизм и любовь к порядку в нем прекрасно себя чувствовали. Потом он уселся за свой стол, затертый в угол всякими коробками и ящиками с рукописями.

Понемногу редакция заполнялась шумом, суетой и бумагами. Входящие в комнату и рассаживающиеся по своим местам часто его даже не замечали. Как впрочем не замечали, и уходя с работы. Он, уходя последним, не забывал закрывать фрамугу и дверь.

Но при всех привычных составляющих, этот день был каким-то не таким. Ненастье царившее на улице, он ощущал почему-то и внутри себя.

После чайной привычной паузы в 11:00 в их комнату влетел главный редактор и швырнул очередную рукопись на стол Пафа, что означало, что она принята к работе. Внимание Пафа никоим образом не встрепенулось. На ней не было грифа «срочно», а он любил порядок во всем. Почти до конца дня он доделывал предыдущее задание. И только к вечеру, сдав обработанный экземпляр, взял в руки новую рукопись. Так называемая рукопись составляла 25 листов печатного текста. От бумаги шёл приятный незнакомый аромат духов или чего-то сугубо женского. ПаФ прочитал название: «Он». ПаФ, перебирая и шурша листами, искал имя ЕГО.

Нет, не нашёл. Странно... . На одном из листов промелькнула ОНА и тоже без имени. Ему захотелось начать работать с этой рукописью. Но! Взглянув на часы, он заметил, что пришло время окончания рабочего дня. Сегодня, как назло, ему никак нельзя было задержаться. На днях Лёся сдала своё пальто в чистку и строго его попросила именно сегодня его забрать. Собрав свои пожитки и себя в единую кучку, он покинул в этот вечер здание редакции в общем топающем табунае сотрудников. Мокрый снег медленно превращался в гладкое зеркальное покрытие тротуаров и дорог. От этого на улице было «оживленно-весело». Походка всех напоминала движения полотеров прошлых времён. Все усердно натирала ногами тротуары. Замученный и измочаленный он наконец дошуршал до дома. Подъем пешком по лестнице на третий этаж после проделанного пути показался упоительным.

Он открыл дверь, и квартира вздохнула ему в лицо своим привычным дыханием. Вечер прошёл сонливо, наверное из-за погоды, даже несмотря на то, что в этот вечер суетливая и вечно спешащая Лёся осталась дома. Осталась дома?— вдруг обратил внимание ПаФ. Ах да, верно по случаю слякоти — решил ПаФ. Ужин жевали в основном молча, иногда перекидываясь не значащими ничего фразами, было так тихо, что иногда можно было услышать работу зубов. Помыв посуду, ПаФ сел на диван почитать. Лёся не любила мыть посуду и всегда оставляла ему на утро. Поэтому у него выработалась привычка мыть ее сразу. Чтение почему-то не шло. Он заду-

мался, и вдруг перед глазами всплыли принесённые сегодня редактором листы с рукописью. Почему без имени герой, да и героиня, по всей видимости? Захотелось поскорее на работу.

Сон в эту ночь был одновременно и тяжелым и прерывистым. Утро дома промелькнуло торопливо. Как добрался до работы, ПаФ даже не заметил.

Все! Он на своём месте с рукописью в руках. Наш редактор погрузился в чтение рукописи.

Обычно все эти рукописи чем-то похожи друг на друга. Трудно так уж точно определить чем. Может быть отсутствием утонченной глубины, стилистикой повествования. Но на этот раз было как-то не так. Чувство было странное, как будто залезли к нему в карман. Весь день он лихорадочно читал, все время как-то поживаясь и постоянно оглядываясь по сторонам, как будто боясь, что кто-то заглянет ему через плечо. В отличие от обычной привычки сразу делать правку, он совершенно ни на что не обращал внимания. Он весь погрузился в содержание. Нет, это не было какой-то особенной литературой, да и событий там было маловато. Но! Не понятно что, как магнитом хилую булавку, его тащило за собой от листа к листу.

Как на зло в этот день ему дважды совали под нос срочные рукописи. Одна дурее другой. Слава богу, короткие. Не всегда, как оказывается, краткость родственница таланта.

Рабочий день подходил к концу. ПаФ поспешно собрался,

упаковав рукопись в портфель, и, на редкость рано, если не сказать, что раньше всех, выскочил на улицу. Расстояние до дома он преодолел с лёгкостью птицы. К счастью дом был пуст! Едва раздевшись, ломая все свои многолетние привычки, уселся на диван и рывком вытащил рукопись из портфеля.

Так, где он остановился? И он вдруг почему-то начал перебирать в памяти свои события в жизни. Недоуменно задумался, пытаясь закрыть книгу личных воспоминаний и не переставая листать рукопись в поисках своей остановки. Наконец нужная страница ему попала на глаза. Обычно, в такой ситуации он отложил бы ее и достал бы из портфеля стикер, дабы впредь избежать подобной потери. Но на этот раз все с самого начала пошло не так.

ПаФ углубился. Действие в рукописи текло медленно и тягуче, что очень соответствовало характеру героя. Почему-то ПаФу начинало казаться, что буквы, где речь шла об основном герое, начали слегка двоиться, а отвлеченный текст выглядел как обычно. Он начал осматривать окружающие предметы, вроде все нормально. Вдруг взгляд нечаянно опустился на ногу. Двоится! Он посмотрел на руку, тоже.... ПаФ встал и нерешительно направился к зеркалу в коридоре, в нем можно было увидеть себя в полный рост. Медленно нащупывая выключатель, ПаФ, надеясь все ещё на переутомление, включил свет и подошёл к зеркалу. Но именно в этот момент, как ураган, в квартиру влетела запыхавшаяся Лё-

ся. Раздеваясь и швыряя вещи по дороге, она пронеслась на кухню, и в общем потоке принесло туда и ПаФа. Начав свой обычный сумбурный монолог ещё от двери, она не замолкала и на кухне, при этом не прекращая набивать себе рот разной всячиной, шуруя в холодильнике. ПаФ осторожно заглядывал ей в глаза и при этом постоянно пытался попасть в ее поле зрения. Ему было и страшно, и в то же время хотелось проверить свою мучительную загадку. Но Лёся, как обычно, была весела, резва, суетлива и, похоже, ничего не замечала. Но спросить он не решался. При одной только мысли, что догадка подтвердится, какой-то острый озноб пробегал по всему позвоночнику к затылку и охватывал обручем от уха до уха голову.

Вскоре ураган, как обычно, стих, Лёся куда-то унеслась, утягивая за собой горьковатый аромат своих духов. «Снова Она все побросала!» – подумал ПаФ. И тут же кольнуло в висках: «Она! Я где-то это уже видел...». Догадка начинала обретать материальность, она как будто бы ходила рядом с ним и задумывалась о том же. Он стоял в коридоре, все ещё не решаясь подойти к зеркалу. Нет, сегодня он этого вообще не будет делать! Сначала пусть новая картина его мира выстроится в сознании – решил ПаФ.

Наконец ПаФ взял себя в руки и сел на диван рядом с рукописью. Он смотрел слепым взглядом на листы и просто их переключивал. Но в голове почему-то по порядку всплывали картины из прожитой им жизни. Там не было ничего ин-

тересного, но это была его жизнь, и ПаФу именно поэтому все это было не скучно, но очень себя жалко. И тут ПаФ понял, что он все это читает в этой рукописи. Это его смутило, но он решил продолжать, преодолевая неприятное ощущение от удвоения букв. Он даже к этому начал привыкать. Вот только неприятно становилось, когда собственная удвоенная рука удвоенными пальцами переключала лист. Теперь он как-то одновременно существовал здесь на диване с рукописью и там, внутри этой рукописи. А как только он откладывал листы в сторону эти двое сливались в одного него. Ещё его начала сильно раздражать Она. Она была подана в рукописи с любовью и с явным восхищением. Эта, с позволения сказать, писатель просто восхищалась ее неординарностью, ее вовсе не раздражал, а умилял эгоизм и полная независимость своей героини. Им обоим было совершенно наплевать на мужчину, который существовал рядом. И тут ПаФ почувствовал себя един целым с «Он». Догадка, которая ходила с ним тенью, обрела вес и уже сидела с ним рядом на диване.

ПаФ собрал поспешно все листы, переместился за стол и начал править. Одной из основных правок было то, что везде Он было исправлено на ПаФ, а Она соответственно стала Лёсей. Ему теперь было совершенно наплевать, что он нарушает авторские права, и что это даже не входило в его профессиональные функции. Это была его жизнь, его судьба! К черту рукопись, она в общем-то посредственная. А вот его жизнь! Что делать с ней?! Так не может больше продолжаться-

ся, он не хочет просто двоиться. Ведь так можно и начать троиться и так далее. Нет! Я проснулся, я вижу себя. И я хочу, чтобы все меня тоже видели!

Павел Фёдорович закрыл рукопись и положил ее в портфель. Потёр глаза, почесал затылок, встал из-за стола, топтался на затёкших ногах. Немного сутулой и усталой походкой прошаркал к окну. Утро уже смотрело на него во все глаза. Он резко обернулся, посмотрел на часы. Ого, уже скоро выходить! И он рванул делать все, без чего ещё ни разу не проходило его утро.

В редакцию спешил опять все тот же ПаФ, по дороге он обмозговывал как быть. Оставить свою правку или убрать?

Сегодня утром он попробовал быть живым. Трудно! Трудно с длительной непривычки это делать. Но если сегодня получится рискнуть и оставить свою правку, то завтра он ещё раз попробует ожить. Ведь даже тренированным спортсменам для прыжка даётся три попытки. А значит все ещё вперёди...

Глава 2. Одиночество

В Лёсиной жизни произошли перемены. Человек, с которым она жила, ей стал вдруг неудобен. Нет, сначала все было очень даже здорово. Он прекрасно заполнял собой в квартире свободное от неё самой пространство и при этом совершенно не мешал. В доме всегда было светло, нагрето, когда

она туда влетала. Что ещё ее очень устраивало, так это то, что им не выдвигалось никаких претензий. Да, и ещё! В холодильнике всегда было что-то, чем можно было заглушить урчание в животе. А Лёся была непритязательна, уж это точно. И все это резко отличало ее «семейную» жизнь от жизни ее приятельниц и сослуживиц, которые вечно жаловались, перетирая подробности своих семейных размолвок или, и того хуже, скандалов. Ей собственно, даже и вставить было нечего. Правда, когда она вспоминала свою домашнюю жизнь, почему-то сразу хотелось зевнуть. Но ведь на это не станешь жаловаться. Она даже иногда завидовала этим болтушкам, но не понимала почему. Да это было и неважно, Лёся не любила копаться в собственной голове, боясь, что после ей не удастся все опять засунуть обратно.

Короче, у неё на «семейном фронте» все было в порядке.

Но с некоторого времени в ее сожителе стали происходить какие-то перемены. Совершалась какая-то ломка. Он время от времени ломался и начинал немного ей мешать. Потом опять чинился, а потом опять все повторялось. Они оба начинали мучиться. А тут, как раз, подвернулся прекрасный случай.

Лёсины профессиональные внешние сношения однажды привели к личным отношениям. Что привлекло Лёсю, описать можно несколькими словами: широкие плечи, рост, размашистая походка, штаны и грубый голос. Да, и ещё очень важная деталь, он был тоже с квартирой, и она располагалась

ещё ближе к месту ее работы. Лёсе все эти факты вместе указывали на самый подходящий случай для перемен. А она где-то слышала, что переменны очень способствуют омоложению женщины. А время, когда женщина все чаще об этом задумывается, уже настало. И Лёся решила эту задачу мгновенно. В один из обычно текущих вечеров Лёся ураганом влетела в дом, наговорила своему с сегодняшнего вечера «бывшему» кучу невнятных, набила рот чем-то, что попало в руку, пошарив в холодильнике, и, не услышав ни звука в ответ от остолбеневшего «бросаемого», собрав самое необходимое (за остальным позже заедет), унеслась, с грохотом хлопнув дверь.

В воцарившейся благодатной тишине остался «брошенный», остолбеневший от горя или от счастья, пока было неясно. Но об этом в другой раз. Сейчас о Лёсе.

Лёся перебралась к новому помощнику по сотворению семейного благополучия со всем ворохом своих особенностей и привычек. Все складывалось довольно удачно. Детство их совместной жизни протекало безоблачно и весело. Оба любили погулять в шумных компаниях, побазланивать о том, о сем, и потом поспать. На мелочи, как все дети, никто из них не обращал внимания. Словом, шагать получалось в ногу.

Но время несло неумолимо, семейная жизнь потихоньку подрастала, становясь заносчивым и несговорчивым подростком. Накапливалась усталость от суеты, на работе тоже периодически вырастали разные проблемы. А в спешке

невыстроенные отношения совершенно не способствовали выходу из растущих трудностей.

А тут ещё и всякие житейские неудобства.

Лёся всегда любила высокие каблуки, но раскидистый и крупный шаг ее теперешнего попутчика никак не позволял поспевать на таких каблуках за ним на различные мероприятия, на которые они любили оба ходить. Широкие плечи все заметнее и заметнее оставляли мало места на общем ложе. Лёся не высыпалась теперь по такой вот дурацкой причине. Но это ещё что! Но вот штаны, их он периодически совал ей под нос, чтобы она привела их в должный вид. Это было невыносимо! Но окончательно добил Лёсю его грубый голос, когда он недовольно начинал орать на неё, если она встревала в разговор или начинала что-то выяснять во время важного футбольного матча.

Это было ужасно! И Лёся изо всех сил начинала истерить. Она теперь все чаще и чаще вспоминала свою удобную жизнь с «брошенным». Но возврат в прошлое был невозможен. Во-первых на этот раз пришлось бы что-то вразумительное говорить, а это даже сама Лёся понимала, было невозможно. Во-вторых там тоже уже накопилось, наверное, без неё много всего такого, что будет раздражать. В таких неустойчивых размышлениях прошло ещё какое-то время. Отношения становились все холоднее и холоднее, пока совсем не заморозились. Лёся, предчувствуя беду, а чутьем она, как и любая женщина, обладала почти звериным, начала поиски нового

жилья.

Но время, оно неумолимо стирает яркость первозданности. Лёся за эти несколько лет успела слегка поистрепаться и поблекнуть. И, спустившись с высоких каблуков, походка стала тяжелее и потеряла шарм игривости. В уголках рта заточились обидчивые морщинки, да и глаза она перестала раскрывать широко и азартно, а все больше смотрела с каким-то прищуром.

И так, стало ясно, пожить надо теперь одной! И Лёся, благодаря обширным связям по работе, нашла очень даже неплохую маленькую однушку, почти совсем рядом с центром города, которую ей сдала одна знакомая, переехав в другой город к дочери помогать с детьми.

Квартирка была скромная, но чистая, правда, с бешеным количеством ненужных безделушек в каждой щели. Это безумно раздражало Лёсю, сильно собирало на себе и между пыль. После того, как было разбито и поломано изрядное количество из них Лёсиными широкими и эмациональными жестами, остальные были упакованы в коробку и спрятаны на антресолях.

И так, жизнь потекла, надо заметить, что поток стал теперь не таким стремительным и бурным. Жизнь ее стала походить на течение реки не очень широкой, не слишком глубокой, порою с вязким илистым дном. Но все ещё была ее работа, требующая все тех же прежних навыков, которые и помогали задержаться в тонусе. Но своё одиночество ни од-

ной женщине ещё не удавалось скрыть. Окружение Лёси это тоже понимало. Посовещавшись, приятельницы решили подарить ей на приближающуюся роковую женскую дату щенка. Псину решили подобрать поменьше, мол, и хлопот будет поменьше. И так как Лёся все-таки, несмотря ни на что, оставалась в разряде модниц, решили и подарить ей модную женскую породу, Йорка.

День настал, пёс женского рода был заготовлен и благополучно вручён под шумные речи, смех и шампанское ошеломлённой фДума думалось тяжело. Все от одиночества, и посоветоваться не с кем! От одиночества... А назову-ка я ее Одиночество! Точно, лучше и не придумать! Одиночество, ко мне! И точка. И собака тут же подошла и завиляла лохматым хвостом. Прочувствовала точно, как всегда.

Со временем Лёся имя начала сокращать для удобства и быстроты. Гулять Лёся не любила по утрам из-за того, что эти прогулки увеличивали ее и без того приличные всегдашние опоздания. А по вечерам, даже если не надо было куда-то бежать потом, а таких случаев становилось все больше и больше, хотелось уже поскорее, запихнув в рот что-нибудь такое, что убьёт разыгравшийся аппетит наповал, водрузиться на кровати с ногами, сигаретами, недопитым кофе и до ночи уткнуться в свой уже замызганный ноутбук.

И так чаще пёска прибегала на имя Ода. И в этом тоже что-то было..., но недалекая Лёся не могла догадаться, она только это чувствовала, как и ее лохматое Одиночество.

Глава 3. Свобода или утрата

Оставшись наедине с собой, ПаФу стало легче. «Столбняк» рассосался, тело стало послушным. Повинуясь требованию мозга, тело переместилось на диван и обмякло. Сейчас он был не в состоянии о чем-либо думать. Он сидел и считал полоски обоев. От этого стало клонить в сон, ПаФ мирно задремал. Потом мирный сон стал обретать тяжесть, его обволакивало чем-то давящим, вязким и липким. Во сне ПаФ был глух и слеп.

Проснулся он вдруг очень резко, порывистым движением вырвавшись из чьих-то пут. Он поискал глазами часы. Стрелка как всегда плыла по своему вечному пути.

–Боже! Уже скоро вставать на работу!

И вдруг перед глазами возникла строчка из Той рукописи: «это можно было бы назвать утратой, кабы не было свободой...». А всё-таки правильно он тогда дал имена тем безымянным героям, хоть Главный и замазал их вместе с его премией. Главному собственно было абсолютно все равно, тем более, что повесть-то была некудышная. Но из уважения к авторским правам так не полагалось делать. А все-таки повесть сделала своё дело. ПаФ как будто познакомился с ПаФом и рассмотрел его со всех сторон. Да и Лёся наконец стала ему понятнее. Но тогда от этого понимания ему было только тяжелее. Врожденные медлительность и нерешитель-

тельность стояли за спиной в полной растерянности. Именно этот период подвиг порывистую и решительную Лёсю на поиск решения проблемы.

И так, хоть и благодаря Лёсе, но свобода была вновь обретена.

Свобода – это здорово, но что с ней делать-то? -, почёсывая нечмоканную теперь лысину, думал, растекаясь по мысли, ПаФ. В поисках опоры взгляд его скользил по все тем же полоскам обоев. На пути оказались, мирно отмеряющие новую жизнь, часы.

–Опа! Опаздаю! Теперь точно опаздаю.

И он заторопился. На работу он всегда добирался пешком. Дом и издательство находились довольно близко друг от друга, да и доехать было практически невозможно. Надо было пересечь бульвар и пройти по узкому переулку с односторонним движением. ПаФ

был истинным обитателем старого центра города, и это было здорово, хотябы потому, что не нарушало целостности картины его внутреннего мира.

Работы в этот день было немного, но ту, что была, он делал механически, не вникая в содержание.

Рабочий день закончился. ПаФ, как обычно, с последними уходящими сотрудниками вышел на улицу. Мягкий вечер ласково дунул в лицо и устремился вдоль по переулку туда, к бульвару, чтобы там, в кронах деревьев схорониться, постепенно превращаясь из сумерек в плотную ночь. ПаФ

ещё немного постоял у подъезда редакции, удивляясь перемене в погоде, и пошёл вслед за вечером к бульвару. Иногда он намеренно удлинял свой путь домой, скашивая вбок, чтобы большую часть пути идти по бульвару. Так как по своей натуре он был домоседом, то именно в такие вот минуты ПаФ подпитывал себя наблюдениями и эмоциями. А на бульваре было сразу все: природа, птицы, кошки и собаки, люди всех возрастов и, так казалось ПаФу, город здесь обретал свой голос, внешний облик и настроение.

Одним словом, сегодня был именно такой вечер. И вечер щедро делился с ним своими эмоциями. ПаФ принимал эти щедроты с благодарностью. Вот только пользоваться этим богатством он не умел. Вернее сказать, его от этого отучили ещё в детстве. Так решил сам ПаФ, опираясь на одну психологическую статью, прочитанную им в каком-то журнале. Редакции обмениваются между собой своими изданиями. В связи с этим такого добра было навалом всегда в редакции. И ПаФ, как и прочие сотрудники, брал иногда полистать на досуге какой-нибудь журнальчик.

Вот и теперь, шагая по бульвару, он пытался разобраться, почему все эти эмоции так в нем и перегорали. Они никогда не выходили наружу! Он хорошо помнил из детства, что его всегда стыдили родители, если он начинал плакать, говоря, что он уже большой, он мужчина, а потому не должен «распускать нюни». А в общественных местах никогда не позволяли при них громко смеяться или высказывать свои суж-

дения. Эти правила очень четко запрограммировались в его сознании. Короче, он получился удобным для всех, вот только для себя чего-то не хватало.

Погруженный во все эти размышления и наполненный пока ещё не перегоревшими впечатлениями, ПаФ вернулся домой. После ухода Лёси он как-то по-женски опустил плечи. Привычный педантизм остался при нем, но многое он теперь делал формально. Редко готовил, обходясь чаще бутербродами, реже стал убирать квартиру, правда, беспорядка тоже побавилось с Лёсиным уходом. В общем он обрёл некую свободу.

–Свободу?– и ПаФ почесал лысину. Может быть и обрёл, вот только для кого? Похоже, утрата тоже была и гораздо более ощутимая. ПаФ не мог найти себя. Потерял!

Тёплый и ласковый вечер ушёл в густую, вязкую и прохладную ночь. Есть не хотелось, читать тоже. Телевизор он включал вообще очень редко. Компьютер надоедал на работе. Надо спать. Завтра выходной, время будет подумать...

Утром ПаФ проснулся от бесцеремонного стука в окно. Дождь буквально ломился к нему в квартиру. ПаФ подошёл к окну, город плыл куда-то. ПаФ и небо посмотрели друг на друга брезгливо. Отойдя от окна, он вспомнил, что сегодняшней день посвящён решению главного вопроса: что делать?

Быстро позавтракав, ПаФ уселся на любимый диван думать. С вопросом «что делать?» он справился быстро. Опре-

делив суть потери, стало понятно, что надо ее восполнить. Если потеря себя была связана с утратой Лёси, то значит ли это, что надо найти замену, то есть другую женщину? «Исключено»— изрёк ПаФ. Сам он никогда никого не находил. Это Лёся его нашла. И что? Теперь ждать, когда ещё кто-нибудь найдёт? Так и помрешь ненайденным. А что если утрата себя связана с потерей объекта, требующего его внимания? Если это так, то объект можно и заменить чем-то более простым. Нет, это точно, к новой женщине он был не готов, даже если такое чудо и случись.

ПаФ встал и прошёлся по квартире, сейчас все, что напоминало о Лёсе, начинало раздражать. Нет, повтор был неприемлем! Он подошёл к письменному столу, рассеянно поперекидывал бумаги, ручки. И вдруг совершенно неожиданно он вспомнил Тот запах Той рукописи. И он вспомнил все! Тот «ПаФ» на место бросившей его той «Лёси» подобрал, как-то гуляя в парке, собаку. Вот, нужна собака. Она будет нуждаться в моем внимании и заботе! Он тут же вспомнил, что на поминках его дяди, брата отца, жена умершего жаловалась, что ей тяжело гулять и возиться с псом, которого они и завели-то по желанию только мужа.

ПаФ срочно отыскал номер ее телефона и позвонил. После нескольких дежурных приветствий и вопросов о здоровье он спросил удивленную его вниманием старуху о псе. Ответ был коротким: «Да чтоб он сдох!» Дело было решено за несколько часов. И несмотря на бесконечный дождь, к вече-

ру псина уже обживала квартиру ПаФа.

Пёс был большой, непонятной, смешанной породы, клокастый и средних собачьих лет. ПаФ решил, что они даже чем-то похожи. Характер у собаки был вполне сносный. Отличительной чертой, причём хорошей, было то, что пёс почти не лаял. И если считать, что лай это речь собаки, то этот пёс был немногословен, а о его мыслях и имоциях красноречиво говорили глаза, уши и хвост. ПаФу все это пришлось по душе, особенно то, что теперь появился повод много времени проводить на бульваре. Обретя пса, ПаФ постепенно начал собирать свой личный пазл, находя понемногу потерянные частицы.

Жизнь опять обрела смысл.

Глава 4. Встречи на бульваре

Бульваров в городе, где жили мои герои, было много. Они все, как на подбор, были стройными, усаженными красивыми, разросшимися за долгие годы деревьями, чистыми, с манящими к себе скамейками, словом очень гостеприимными. Они хороводной линией кружились по всему городу. И поэтому ранней весной, в хорошую погоду было очень радостно гулять по этому кругу, казалось, что ты, любя, обнимаешь весь город за талию. И жители города им отвечали своей любовью прогуливаться по ним, назначать свидания, в хорошую погоду читать, сидя на скамейках, оккупировать те

же скамейки компаниями под игры в шахматы. Всегда там было полно родителей с детьми, колясками. По вечерам там тусила молодежь. Днём по пей проносились с криками ,толкаясь, школьники. Оглушали хохотом и громкими разговорами, сильно прошитыми матерными словами и выражениями, спешащие с занятий, студенты. Что-то с каждым годом немного изменялось или заменялось характерными определенному времени чертами. А бульвары все это покорно впитывали в себя, храня свои традиции. Но ещё это было местом выгула собак. И все местные собачники во все времена стекались на эти бульвары.

ПаФ, относящийся с нежным трепетом к своему бульвару, уж конечно не мог не познакомить своего питомца с ним. И вот после нескольких неудачных попыток, новое расписание педантичным ПаФом было выстроено. Пёс, заважавший сразу своего нового ответственного и спокойного хозяина, принял свой новый режим с радостным потряхиванием, наотмашь и как-то немного вбок торчащего, хвоста. Теперь тропа ПаФа, проложенная им, весело обрамлялась хаотичным собачьим топтанием. И следы ПаФа теперь казались повеселевшими, не такими прямолинейными и мерными.

И жизнь потекла по новому расписанию веселее и похорошему суетливее.

Но пса полагалось спускать с поводка. Нет, ПаФ не боялся, что он убежит, какой дурак будет просто так убежать от удобной и сытой жизни. И все же встала проблема с кличкой,

без имени непонятно было, как подзывать пса, когда пора было уходить. А с фантазией у него было трудновато. Все имена на ум приходили какие-то литературные. Но стоило посмотреть на это косматое чудище, и они сразу же отпадали. Шли дни, а клички все ещё не было. В один из вечеров, гуляя с псом по бульвару ПаФ столкнулся с одним из самых общительных сотрудников редакции. Тот ещё издали радостно замахал руками и устремился навстречу удивленному ПаФу. В редакции он на ПаФа не обращал никакого внимания, общаясь со всеми подряд. Подлетев к ПаФу, он тут же вывалил на него новую сплетню про Лидочку, которая сидела с ними в одной комнате в редакции. Не прочитав ожидаемой реакции на спокойном лице ПаФа, он как-то сразу потускнел. И в эту минуту, пёс, заинтересовавшийся вторгшимся в его союз с хозяином, подошёл поближе и принялся обнюхивать брюки пришельца. Димыч, его так звали все и даже Главный, резко развернулся и посмотрел на пса. Потом удивленно спросил : «Это что твой, вот это финт!». Потом, еще немного нерешительно потоптавшись в скучной компании, исчез в сумеречном пространстве парка.

Домой ПаФ и пёс шли медленно и задумчиво. Каждый думал о своём. О чем думал пёс можно только предполагать, но о вкусной еде в его думе точно должно было быть место, так как всегда, приходя домой с гуляния, он летел к миске. А вот ПаФ почему-то прокручивал последнее восклицание Димыча, особенно последнее слово. Войдя в квартиру и, запи-

рая дверь, он, увидев уносящегося на кухню пса, вдруг вслух громко и неожиданно для самого себя выкрикнул: «Финт!».

И пёс почему-то резко вернулся и сел перед ним. Торчащие уши были преисполнены внимания. ПаФ облегченно вздохнул и даже как-то тепло вспомнил встречу в парке.

Гуляя по выходным, ПаФ любил следить за собаками и их хозяевами. Все они были разные, но в чем-то очень походили друг на друга. Финт был миролюбивой собакой, и собачий и хозяйский коллективы его приняли сразу. Но Финт был все же себе на уме, особой дружбы ни с кем не водил. Правда, он проявлял интерес к одной особе, которую все знали и даже знали, что зовут ее Клара. Это была очень шустрая, рыжая, лохматая собачка с резким, но веселым и свободолюбивым характером. Не смотря на ее внешность, воронье имя Клара ей очень подходило. Это была смышленная, хитрая, чрезвычайно независимая особа. И всегда, так же как ворона, поспевала вовремя ко всякой еде, падающей тут и там из рук вечно жующих детей или неряшливых подростков. С кем она гуляла ПаФ не знал. Собачка всегда прибегала откуда-то из глубины бульвара и туда же убегала. Но, судя по ее модному ошейнику и таким же модным костюмчикам в плохую погоду, у неё были хозяева. Клара, как сука, была ко всем безразлична. Конечно же, судя по тому, как ее одевали, ее должны были и стерилизовать. Но, как истинная особа женского пола, она любила, когда на неё обращали внимание. По этой причине ей нравилось внимание Финта. Приносилась она по

выходным, всегда одна, проводила немного времени с ждущим и радостно встречающим ее Финтом и так же неожиданно уносилась по только ее ухом улавливаемому зову.

Время текло неумолимым вечным потоком увлекая за собой жизнь каждого из нас. ПаФ и Финт давно срослись в единый организм, который тихо начинал стареть, и который вечный поток тоже нёс по жизни.

Иногда по выходным Финт не встречался с Кларой. ПаФ жалел пса и даже задерживался лишнее время на бульваре из солидарности. Иногда таких выходных набиралось несколько подряд. В эти дни взгляд пса становился тусклым, о хвост принимал замысловатую форму. Его кончик опускался и начинал походить на вопросительный знак только повернутый в другую сторону. Но наступали потом опять выходные радостные, и Финт и ПаФ расслаблялись и наслаждались прогулками.

Но вот однажды Клара опять не прибежала. Устав топтаться на привычных дорожках ПаФ присел на скамейку. И тут он заметил сидящую на другом конце, отвернувшись от него, женщину чем-то похожую на Лёсю. Женщина, казалось, плакала. Чуткий нос Финта учуял слёзы тоже и сел рядом с плачущей. Она немного отодвинулась. Тогда ПаФ тоже решился проявить сострадание. Он немного подвинулся ближе и, не заглядывая в лицо, спросил, о чем она плачет. Женщина будто ждала этого момента, она пулеметной очередью выдала свою обиду на очередного неблагодарного,

который сначала вторгся в ее жизнь, вырвал ее с конями из крепкой почвы, а вот теперь бросил, променяв Её на эту ... и она крепко выругалась. И все это свалилось в одну кучу, она ведь совсем недавно потеряла собаку. Бедную Клару сбила машина, когда она догоняла, перебегая дорогу ее, свою хозяйку, случайно забывшую вовремя окликнуть Клару и пристегнуть поводок.

ПаФ уже при ее первых словах узнал в ней Лёсю, немного постаревшую, потертую и выцветшую. Ему было ее даже жалко. Но тут они, И ПаФ и Фунт, услышали имя Клара! Когда она закончила свою жалобную тираду, она подняла глаза и увидела их. Перед ней стояли двое покинутых. Покинутых по разным причинам, но теперь ещё крепче сплоченных существа с израненными душами. Они молча отвернулись и дружно зашагали по своему пути.

Эпилог

Лёсино горе было недолгим. Она быстро смекнула, что правильно говорить, что все что ни делается, все к лучшему. В последний момент она тоже узнала в незнакомце своего «бывшего», вернее одного из бывших. Но от ее цепкого взгляда не ускользнуло и то, что он постарел за эти годы. Пусть уходит, подумаешь...! И пёс у него какой-то облезлый. Толи дело была моя Клара! Правда, имя ее сначала было Ода, но все-таки пришлось переименовать на более яр-

кое и звучное. Переименовав, выкрикивать на весь бульвар стало легче, да и все собачники тоже сразу его подхватили.

Выкурив сигарету, распушив остаток волос, принявших теперь какой-то пегий цвет, Лёся встала и пошла в другую сторону этого же бульвара, свободная от всех сразу.

Что ж можно начинать все снова! Так ей казалось...